

АНТОНОВА Т. И.

## ТЕКСТОВЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ НАУЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Научное определение, т. е. формулировка, раскрывающая сущность какого-либо научного понятия или термина, имеет, как известно, принципиальное значение для той или иной науки. Как в классическом языкознании, так и в более поздний период обязательным требованием к формулировке определения была ее полнота: научное определение должно отражать все существенные признаки понятия<sup>1</sup>. Для научной традиции характерно также наличие достаточно строго очерченного и не слишком широкого круга моделей научного определения.

В период интенсивного и многообразного изменения языка науки представляется интересным рассмотреть наиболее характерные особенности научного определения и систему функционирующих в настоящее время моделей определения. При этом очевидно, что самым показательным материалом для исследования может быть язык учебной литературы с его особенно строгой общей регламентацией (в настоящей статье анализируются формулировки в [1—3]).

Определение, находящееся в связном тексте, в отличие от словарного, естественно, нередко представляет собой «трудноуловимую» единицу: наличие термина во фразе само по себе не всегда служит свидетельством того, что предложение, в которое оно входит, является научным определением.

С другой стороны, возможность конструкций, напоминающих научное определение, но не являющихся таковыми, никак не отрицает реальности типичных, бесспорных формулировок, дефиниций: в научной речи почти в каждом предложении есть нечто от определения [4]. Итак, рассматриваемый вид речи анализируется в данной работе в плане его текстовых функций и далее — со стороны семантической и грамматической структуры.

Функциональный тип определения (в нашем употреблении термина) обуславливается его целевой установкой в тексте, ролью в организации текста. Соответственно различаются два функциональных типа определения — прямое, специальное определение и не прямое, неспециальное. Прямым, или специальным определением мы называем определение, экспликация которого составляет единственное или основное содержание предложения. Наиболее яркое проявление дефиниции такого рода — фраза, представляющая собой законченную формулировку, фраза-формула. Классическим текстовым положением подобной формулы является начало того или иного фрагмента текста-раздела, параграфа, когда научное определение является исходной точкой изложения, ср.: «§ 9. Повествовательные предложения. Повествовательными называются предложения, содержащие сообщения о каких-либо фактах действительности, событиях, явлениях и т. д.» [3, с. 23].

Непрямое, неспециальное определение не ставится в фокус внимания, не служит отправной точкой текста и соответственно не представляет собой цельной фразы-формулы, а может характеризоваться как сегмент предложения, главной целевой установкой которого в речи не является выражение дефиниции, например: «В речи сила звука связана с типом

<sup>1</sup> «Исчерпывающее» содержание определения можно понимать, разумеется, неоднозначно, в частности, в плане отражения смысловых и формальных свойств определяемой единицы. Однако последнее связано непосредственно с методологической основой языковедческой теории и в данной статье не рассматривается.

ударения, называемого с и л о в ы м, или д и н а м и ч е с к и м, где ударный гласный отличается от безударного своей силой» [2, с. 28—29].

Неспециальное, вспомогательное определение имеет ряд вариантов, разграничиваемых в зависимости от назначения вводимого во фразу в качестве одного из ее компонентов определения. Наиболее типично явление, когда толкование соответствующего понятия составляет лишь одно звено (притом не главное) содержания предложения. Это обусловлено тем, что такой организации фразы требует условие связности текста, который, однако, не «нацелен» специально на толкование данного термина. Понятие, выражаемое термином, является деталью описываемой системы, деталью, суть которой должна быть, тем не менее, истолкована, поскольку ранее о термине речь не шла. Ср.: «С орфоэпической точки зрения в произношении первого предупредного *е* (графически *е*) в мягкорядной редукции существовало два варианта, называемых *э* к а н ь е и *й* к а н ь е, т. е. признание его с уклоном на *е* или же с уклоном на *и*, причем москвичи больше „йкали“, а ленинградцы, в основном, больше „экали“» [2, с. 107].

Вместе с тем достаточно характерна для анализируемых текстов и иная, более конкретная функциональная направленность непрямого определения, которое в данном случае можно назвать определением-напоминанием (краткое повторение сути понятия при вторичном и последующих употреблениях термина). Ср.: «При качественной редукции следует различать таким образом с т е п е н ь редукции, т. е. степень опускания спинки языка..., и редукцию по р я д у, т. е. ... по движению языка вперед или назад...» [2, с. 97].

Проявление того или иного из отмеченных вариантов вспомогательного определения иногда характеризуется дополнительными нюансами, тонко варьирующими определение в соответствии с содержанием фразы, например: «Огубление (иначе лабиализация) гласных, т. е. изменение величины отверстия, понижает высоту тона гласного» [2, с. 61].

Прямые определения в анализируемых книгах количественно преобладают. Тем не менее более существенным является то обстоятельство, что процентное отношение специального и вспомогательного определения весьма резко колеблется в зависимости от общей стилистической окрашенности текста, т. е. в данном случае — от более или менее традиционной манеры изложения. Количество неспециальных определений соответственно может колебаться от 1/30 до 1/3 части от числа прямых формулировок.

Говоря о традиционном и современном научном языке, мы имеем в виду не всю совокупность характеристик того и другого, а лишь значимые в определенном аспекте явления, т. е., например, синтетический или аналитический способ изложения. Так, при традиционном способе толкования явлений языка параграфы текста и более крупные части имеют конкретную тематику, посвящаются одному классу единиц, одному факту, одной закономерности [3, § 11]. О более современной, более аналитической манере изложения свидетельствует, например, такая тематика параграфов, как «Нераспространенные и распространенные предложения», «Типы предложения по коммуникативной целеустановке» [4] и т. п. Впрочем, естественно, что отмечаемая многими атомарность в квалификации языковых фактов, свойственная классическому языкознанию, в науке нынешнего дня уже не встречается.

Широкий показ названных свойств научного языка не входит в задачи статьи. Остановимся на одном показательном факторе: наличии во фрагменте текста (параграфе), посвященном одному явлению, прямого специального определения, представляющего отправную точку изложения, т. е. открывающего текст. Ср.: «**И**побудительные предложения. П о б у д и т е л ь н ы м и называются предложения, выражающие волю, стремление говорящего побудить собеседника к совершению какого-либо действия» [3, § 11]. В параграфах более широкой тематики абсолютная препозиция прямого определения необязательна и наблюдается более редко, чем иные виды начала текста. Общей характеристикой начальных отрезков речи при отсутствии препозитивного определения является

раскрытие сути того более общего понятия, проявлением которого предстают определенные сопоставимые единицы, или изложение неких фоновых закономерностей языка, истории становления понятия и т. п. Определение основных конкретных единиц, которым посвящен фрагмент, содержится в последующей части текста. Если речь идет о двух-трех явлениях, это, как правило, определение комплексное, сочетающее в одной фразе сопоставление определяемых единиц. Ср., например: «В каждом языке... могут быть чередования различного рода, одни — ж и в ы е (или иначе п о з и ц и о н н ы е), требуемые живыми фонетическими нормами языка...» [2, § 72]. Итак, вспомогательные определения, наиболее частые в текстах последнего вида, квалифицируются в данной работе как определенные проявления того способа научного изложения, который характерен для современного научного языка в широком смысле слова. Очевидно, что упомянутое соотношение связано с многогранной квалификацией фактов, получающих прямые определения, которые в данных условиях оказываются недостаточными и должны поддерживаться вспомогательными определяющими фразами. Ср. дополнительные определения в последующем тексте указанного выше параграфа из [2]: «Иначе говоря, с точки зрения развития языка... все чередования являются фонетическими, но с точки зрения данного периода... чередования разделяются на исторические (т. е. чередования по традиции) и ж и в ы е (т. е. фонетические)».

Различная частотность вспомогательных определений в учебных текстах с традиционным или сугубо современным способом изложения представляет достаточно значительным фактором, характеризующим систему научных определений, свойственных современному периоду существования языка. Таким образом, важно не только наличие в языке специальных, дополнительных определений, но и явление сочетаемости определений двух функциональных типов или же отсутствия в тексте вспомогательных дефиниций<sup>2</sup>. Наличие во фрагменте лишь прямого определения (особенно в зачине текста) связано с традиционным способом характеристики фактов языка, в котором в известной степени проявляется «атомарность» классического языкознания.

Семантическая структура научного определения, проявляющаяся в количестве и определенном соотношении обязательных смысловых компонентов, представляет собой одно из проявлений организации предложений более широкого семантического типа — субстантивного варианта реляционных предложений со значением тождества. Формулировки научного определения рассматриваются нами как частный случай предложений тождества [5].

Вопрос о семантических компонентах дефиниций получил определенные толкования в современной литературе, связанной с теорией семантики синтаксиса. В наиболее общем виде компоненты определения, равно как и реляционных предложений в целом, могут быть квалифицированы как детерминат и детерминант [6]. Возможности более определенного синтаксического моделирования — не собственно научного определения, но смежной единицы, словарной дефиниции — рассматриваются Ю. Н. Карауловым [7].

Думается, что вместе с тем правомерно и более конкретное описание семантической структуры определения. Семантическая организация современного научного определения (нами рассматриваются лингвистические тексты) выражается в двух семантических моделях: четырехкомпонентной и двухкомпонентной. В качестве компонентов ч е т ы р е х ч л е н н о й семантической (логико-грамматической) структуры определения могут выступать: термин, опорное слово (существительное — повторяемое или имеющее значения, соответствующие термину), определяющая

<sup>2</sup> Наблюдения показывают, что сопоставление не является в подобных случаях целью употребления соответствующей конструкции и содержательно мало существенно. Объединение в одной сложной структуре двух, трех определений есть следствие ярко выраженной системности и дедуктивности изложения. Учебные тексты рассматриваемого типа не могут не быть дедуктивными.

часть (относящаяся к опорному слову или непосредственно к термину и раскрывающая в том и другом случаях суть термина) и предикативная связка. Ср., например: «Б е з л и ч н ы м и п р е д л о ж е н и я м и н а з ы в а ю т с я о д н о с о с т а в н ы е п р е д л о ж е н и я , г л а в н ы й ч л е н к о т о р ы х — с к а з у е м о е — о б о з н а ч а е т д е й с т в и е и л и с о с т о я н и е н е з a в и с и м о о т п р о и з в о д и т е л я д е й с т в и я . . . » [3, с. 75].

Некоторый комментарий к данной системе компонентов определения: основными единицами являются, безусловно, термин и определение, которое в итоге и толкует термин. Опорным словом выступает субстантив, обязательный в развернутой формулировке в силу значения тождества, присущего рассматриваемым конструкциям. По существу своему это формальное связочное слово, необходимое именно для выражения идеи субстанции по причине субстантности термина; семантически это слово предстает как «пустое» при повторе или как малозначимое в случае употребления другого слова с более общим значением. В известном смысле можно говорить о родо-видовом соответствии (сказуемое — главный член, предикат — признак, сильное управление — связь, обобщающее слово — грамматическая форма и т. п.), включающим понятие, выражаемое термином. Значение тождества двух понятий в определении сохраняется и в подобных случаях, обуславливаясь сочетаемостью данного существительного с определяющим компонентом. Предикативная связка, как известно, не является компонентом собственно семантической структуры [7, с. 345]. Однако в аспекте рассматриваемых в работе вопросов существенно и наличие (отсутствие) такой релятивы в определении (Ю. Н. Караулов в обоих случаях говорит о нулевом множителе). Итак, четырехчленное определение представляет собой наиболее развернутую, классическую формулировку с максимальным количеством компонентов.

Предложениям со значением тождества присуща взаимобратимость семантических компонентов. Возможные варианты порядка слов связаны в данном случае с различной ролью слова, которое может быть опорным. Данную функцию оно имеет при препозиции термина, например: «Двусоставные предложения — это п р е д л о ж е н и я . . . ». В случае постпозитивного положения термина к подобному слову вместе с утратой функции грамматической связки возвращается полнозначность: «Предложения... называются двусоставными». Очевидно, что в первом варианте имеет место толкование термина, который предстает в роли детермината, тогда как во втором в функции детермината выступает не термин (детерминант), а другое субстантивное слово. Формулировки второго типа обнаруживают невозможность выделения в них более конкретных элементов содержания, чем детерминат (существительное + определяющий компонент) и детерминант (термин). Думается, однако, что это не может быть препятствием для признания одним из логико-грамматических компонентов определения так называемого опорного слова.

Компонентами д в у ч л е н н о й м о д е л и являются термин и непосредственно определяющий его член. Ср., например: «...различают гласные н е г у б н ы е (иначе н е л а б и а л и з о в а н н ы е или н е о г у б л е н н ы е) [и, е, а, ы], когда губы находятся в нейтральном положении... и гласные г у б н ы е..., когда губы выпячены и округлены» [2, с. 65]. Или: «Так, среди целевых предложений выделяются собственно целевые, имеющие в главной части значение произвольного, целенаправленного действия, и предложения антицели, имеющие в главной части значение непроизвольного действия» [1, с. 224].

Разобранные нами два вида семантических моделей существенно различаются, таким образом, наличием в первой избыточных в собственно семантическом плане компонентов и отсутствием их во второй, что зависит от того, является ли определение целевой предикативной единицей, имеющей предикативные категории модальности и времени (хотя бы и с панхроническим значением), или таковой не является. Формулировки второго типа, как правило, представляют собой прямые, специальные определения, имеющие целью истолковать термин в условиях первичного употребления его в тексте.

Практически существуют и формулировки (впрочем, встречающиеся редко), которые можно назвать в рассматриваемом отношении трехкомпонентными (термин, связка и определяющий компонент, организованный на основе субстантивного слова). При этом субстантивное слово не вычленяется из атрибутивной части как формальнограмматический связующий элемент. Ср., например: «Под количеством редукцией понимается сокращение длительности гласного в определенных фонетических позициях» [2, с. 96]. «То, что называется тембром, есть результат совокупности основного тона и парциальных тонов...» [2, с. 29].

Малая частотность подобных формулировок — свидетельство их «случайности», выхода пишущего за рамки естественной языковой закономерности в сочетаемости термина и субстантивного «противочлена».

Степень употребительности четырехкомпонентной семантической модели и модели двухкомпонентной различна и в конкретных текстах неоднозначна. Так, в одной из анализируемых нами книг двучленная модель составляет 1/30 часть от общего количества формулировок определения, в другой — 1/15, в третьей же книге двухкомпонентные определения преобладают (44:35). Частотность моделей связана, безусловно, с индивидуальной манерой письма. Тем не менее очевидно, что употребляемость семантических моделей определяется и объективными языковыми факторами.

Современный научный стиль, как известно, отличается компрессией речи; значительно возросла в сравнении с традицией и системность характеристик. Именно с данными явлениями связана прежде всего частотность соответственно четырех- и двухкомпонентной модели определения. При более традиционном в целом стиле изложения преобладают четырех- и трехчленные модели; при ярко выраженных компрессии языка и системности изложения возрастает количество двучленных определений. Последняя модель связана с явлением компрессии текста в двух планах: она представляет сама по себе «сжатую» формулировку и одновременно создает уплотнение большого отрезка текста. Это достигается за счет употребления определения во фразе с более широким содержанием, вмещающей толкование термина с выражением того или иного более широкого суждения. Ср.: «Различаются два вида корреляционной подчинительной связи: 1) обязательная двусторонняя связь, при которой обе части сложного предложения взаимно предполагают друг друга, 2) не обязательная односторонняя связь, при которой...» [1, с. 184].

Несколько более редки предложения, в которых определение «сопутствует» термину, впервые употребленному в данной фразе, т. е. представляет собой по существу вставной оборот, который мог бы и отсутствовать, если бы не первичное употребление термина, например: «К дорсальным согласным, образующимся..., относятся большинство русских переднеязычных... Как апикальные, т. е. с кончиком языка, поднятым к верхним зубам и альвеолам, произносятся в русском языке только [л, л', р, р']» [2, с. 133].

Наблюдается разнообразное варьирование содержания конструкций, включающих определение, в плане степени значимости определения в этом содержании, причем в известных случаях предшествующую определению часть фразы, может быть, следует толковать как вводную, вступительную.

Итак, четырехчленная семантическая модель научного определения<sup>3</sup>, которую можно характеризовать как традиционную модель развернутого

<sup>3</sup> Существенная характеристика дефиниции заключена в возможности линейного порядка ее членов (имеется в виду термин и второе субстантивное слово). В четырехчленной модели термин может стоять как в препозиции, так и в постпозиции (абсолютной относительно второго субстантива). В плане предпринятого анализа прежде всего значим тот факт, что с начальным термином используются формулировки дедуктивного типа, тогда как с начальным вторым существительным — индуктивные. Дедуктивными по существу являются и двучленные модели с *для*, *при*, *в*. Отмеченное различие, по нашему мнению, и объясняет подавляющее преобладание в текстах конструкций с препозитивным термином, т. е. дедуктивных, соответствующих дедуктивному построению

определения, уступает место более «легкому», динамическому двучленному определению, отвечающему в полной мере свойствам современного научного стиля. Употребление четырехчленного определения ограничивается и реализацией иных способов толкования сути научного понятия. Таковыми являются определение-описание и так называемое списочное определение.

Под определением-описанием подразумевается фраза (несколько фраз), раскрывающая значение термина, но фраза не типизированная, отличающаяся «свободной» структурой и не являющаяся предложением тождества; ср., например: «Связки второго типа делятся на полужнаменательные и знаменательные. Полужнаменательные связки вносят в именное сказуемое значение появления признака... его сохранения... внешнего обнаружения...» [1, с. 89].

Значение тождества двух понятий отсутствует в силу некоторых особенностей в организации фразы, основной из которых является семантика глагола-предиката. Состав глаголов в типичных формулировках определений и в определениях-описаниях различен. Если во фразах первого типа это глаголы (или же именные формы предиката) прямого или менее явного отождествления (*заклучается, подразумевается, является, понимается, представляет собой, принадлежит, подразумевается; определяет, предполагает, характерны, типичны*), то в предложениях второго вида круг глагольных лексем значительно шире. Некоторые глаголы тождества, возможные в описании (*состоит в, обозначает, выражает, образуется*), как бы «тонут» в массе глагольных и именных предикатов иной семантики (ср.: *допускает, ограничивается, участвует, соединяет, распространяет, обуславливается, указывает, характеризуют, поясняет, вносит, связаны, предопределены, объединены, построены* и т. п.). И несмотря на то, что и в этом перечне можно усмотреть более глубоко скрытое значение тождества, данные слова лишены реальной отождествительной функции в анализируемых конструкциях. Наиболее явно отсутствует отождествительное значение в описательной подчинительной конструкции с *если*: «Если надо передать звуки языка с их оттенками в их акустическом и артикуляционном аспектах, то применяется фонетическая транскрипция...» [2, с. 44].

Сопутствующие признаки определения-описания заключаются в частом отсутствии во фразе термина (и возможности его фактического эквивалента — *это, оно*), в распространенности конструкции, включающей и семантически необязательные компоненты. Ср.: «В языках со свободным ударением оно может находиться на любом слоге слова, хотя каждое слово (или почти каждое) и имеет свой определенный ударный слог, что нередко выполняет и семантическую функцию слова, например: ...» [2, с. 226].

Достаточно часто имеет место и явление, которое можно назвать развернутым описанием. Оно представляет собой несколько предложений, составляющих сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое), часто равное абзацу. Сущностная характеристика терминированного понятия рассредоточена в описательном тексте. Ср., например: «Подчинительная связь между компонентами сложного предложения аналогична разным видам подчинительной связи в словосочетании и связи между компонентами предикативной основы предложения... Она может также не иметь аналогов в синтаксических связях между словом и формой слова или между формами слов, но всегда характеризуется тем, что объединяемые ею элементы различаются по своей синтаксической функции и каждый из них имеет свое особое место в сложном предложении. Средства выражения подчинительной связи между компонентами сложного предложения специфичны...» [1, с. 178].

Вариантом развернутого описания является иногда наблюдаемое тезисное определение, в котором описательные фразы могут сочетаться с «истинно» определяющими формулировками: «Определяя тему, исследователи актуального членения отмечают три ее признака: 1) тема —

текста в целом и его частей. Добавим, что предложения с *для, при, в* представляют собой определения именно при препозиции термина. В противных случаях они не имеют, вне особых условий, функции научного определения.

это „исходный пункт высказывания“, „отправная точка“ для передачи актуальной информации; 2) она актуально менее значима, чем рема; 3) тема — часть предложения, которая обычно дана, известна, вполне очевидна, предопределена предшествующим контекстом, является носителем „данного“ [1, с. 146]. Одной из реализаций тезисного определения можно считать текст, состоящий из трех-четырех пунктов, образующих развернутое описание, предваряемый или заключаемый фразой, содержащей термин (этот текст не представляет собой типизированную формулировку и не является описанием-определением по содержанию).

В связи с разграничением собственно определения и описательного определения интересным явлением представляются предложения с *в, при, для* в абсолютной препозиции — предложениями, вводящими термин. Предложения с *в, при, для* надлежит, очевидно, толковать как формулировки научного определения, имеющие двучленную семантическую структуру: Т — Аtr. Атрибутивным компонентом выступает следующая за термином часть фразы, например: «В предложениях чередования перечисляется ряд событий, которые повторяются, чередуясь, не совмещаясь в одно и то же время» [1, с. 210]. При предсказуемой связи главный компонент определяет (предсказывает) форму зависимого. В отличие от наиболее частотных двучленных определений данные формулировки, имея предикативную структуру, являются самостоятельно функционирующими.

Обращает на себя внимание тот факт, что в анализируемых текстах часто встречается сочетание развернутого описательного определения с типовой формулировкой, сохраняющей позиции компонентов четырехчленной семантической модели, но лексически развернутой не до конца — атрибутивный член представлен указательным местоимением, например: «... Э т а окраска согласных носит название л а б и а л и з а ц и я или о г у б л е н и е» [2, с. 126]. Очевидно, что такое сочетание отвечает потребности придать описательному, определяющему тексту большую четкость, целенаправленность.

Описательное определение в различных его реализациях представляет собой, таким образом, во всех анализируемых источниках широко распространенное явление, составляющее в каждом тексте более трети от числа «истинных» определений. Высокая частотность определения-описания — закономерность, характерная, по-видимому, именно для современного учебного текста.

Толкование термина путем описания свойств соответствующей языковой единицы, подобно двучленным моделям собственно определения, — более экономный способ раскрытия сущности того или иного явления в сравнении с типичной громоздкой формулировкой с ее избыточными элементами. Подобным же образом можно истолковать и роль в тексте списочного определения, которое в проанализированных нами книгах встречается, правда, довольно редко. Ср., например: «К п а с с и в н ы м речевым органам следует отнести: твердое нёбо, альвеолы и зубы. К ним же относится также и носовая полость» [2, с. 27].

Грамматическая структура типового определения прежде всего привлекает внимание тем обстоятельством, что, как видно из изложенного, определение может представлять как предикативную (четырёх- и трёхкомпонентная модель и некоторые реализации двухкомпонентной), так и непредикативную (основная масса проявлений двухкомпонентной модели) синтаксическую конструкцию.

Предикативные конструкции наиболее часто организованы по структурной схеме двусоставных (в традиционной терминологии) предложений, предикативный центр которых включает именительный падеж с субъектным значением (дискуссионный вопрос о синтаксической сути второго именительного падежа, связанный с толкованием коммуникативной направленности предложений тождества [ср. 7, с. 279—280], не связан непосредственно с рассматриваемым кругом фактов и не ставится в данной работе). Достаточно употребительны и так называемые безличные предложения, не имеющие позиции именительного падежа. Вместе с тем последние не представляют в ряду анализируемых формулировок столь замет-

ного явления, как в научном языке в целом [8]. Возможно, этот факт объясним тем, что в особо строго регламентируемых подсистемах научного стиля безличные конструкции оказываются излишне субъективно окрашенными (ср. *принято называть, можно определить, следует назвать*). Показательно в данном отношении обилие в формулировках определения возвратных форм: *понимается, подразумевается, выделяется, заключается, определяется, соединяется, ограничивается* и др. Подобные формы, соотносимые с личными глаголами без -ся, также нельзя не воспринимать в этих случаях как результат стремления избежать субъективной окраски связочного глагола. Таким образом, общая тенденция предельной объективизации речи, характерная для современного научного языка, проявляется в системе научного определения несколько своеобразно.

Интересен вопрос о грамматических структурных схемах определения. Общая грамматическая схема дефиниций известна:  $N_1 - N_1$ . Однако данная схема, отражающая строение предикативного минимума предложения, не дает достаточно полного представления о грамматической выраженности определения. Приведенная формула приложима к рассматриваемым конструкциям в достаточной мере условно, поскольку синтаксическая функция именительных падежей, а также финитного глагола не всегда однотипна и вообще точно определима. Грамматическая структурная схема предложения-определения должна отражать номинативный минимум фразы, т. е. семантическую модель деформации, «расширенную структурную схему» [7, с. 279—280].

Грамматическая структурная схема предложения, как известно, основывается на морфологии соответствующих компонентов фразы. Систематизация морфологических форм единиц семантической структуры определения показывает, что наиболее простую форму имеют терминируемое понятие, опорное слово и связка. Значительно детализированы морфологически основные компоненты — термин и определяющая часть.

Терминируемое понятие может иметь единственно возможную форму — именительного падежа, что соответствует функции этого компонента в семантической структуре определения, препозитивной позиции во фразе, позиции темы высказывания (возможность темо-ремного членения дефиниций многими отрицается). Именительный падеж — основная форма и субстантивного опорного слова определения, что объясняется предикативной (по крайней мере формально) ролью его, требующей морфологической, падежной однотипности с подлежащим-термином. В безличных конструкциях именительный падеж замещается винительным. В единичных случаях возможен творительный падеж (ср.: *Сложное предложение является предложением...*).

Связочный компонент семантической модели представляет собой финитную форму глагола, варьируемую в числе и выступающую в форме 3-го л. настоящего времени изъявительного наклонения. Возможно известное лексическое варьирование связочного глагола и связочного компонента в целом, например: *называется, носит название, принято называть, Матезиус называет*.

Термин в составе определения характеризуется строгой заданностью круга падежных форм, который состоит из 8 единиц: им. падеж (только препозитивный); твор. падеж (как в препозиции, так и в постпозиции); вин. падеж; *для* + род. падеж; *к* + дат. падеж; *под* + твор. падеж; *в* + предл. падеж; *при* + предл. падеж.

Беспредложные и предложные формы связаны с различными условиями употребления. Именительный и творительный падежи возможны как в самостоятельных, так и в несамостоятельно функционирующих формулировках; предложные формы в последних отсутствуют.

Как отмечено ранее, формулировки с им., вин. и твор. падежами термина являются традиционными (как и индуктивное определение с им. падежом определяемого слова). Частотность данных структур неодинакова в разных текстах. В тексте [1] традиционные формулировки составляют половину имеющихся в нем типовых определений. В текстах [2, 3] традиционных формулировок — 11% в одном случае и 22% в другом. Среди



предложений с прочими падежами термина в учебно-научных текстах существенно различно количество двучленных определений — как самостоятельно функционирующих (с *для*, *при*, *в*), так и противоположных (с *им.*, *вин.*, *предл.* падежами термина) — в обратной пропорции к приведенным цифрам. Употребительность двучленных конструкций с *предл.*, *твор.* и *дат.* падежами в анализируемых источниках одинакова.

Приведенные факты показывают, что морфологическая форма термина в научном определении достаточно динамична (в отличие от формы двух других субстантивных компонентов — опорного слова и терминируемого понятия). Чем определяется падеж термина? Очевидно, что вся совокупность необходимых падежей и предлогов обусловлена прежде всего возможностью выражения тождества двух понятий. Наряду с этим сам факт многообразия падежей термина объясняется, как думается, стилистически.

Совокупность форм выражения определяющего компонента дефиниции также представлена достаточно четко, но морфологические формы в данном случае более многообразны, чем у прочих компонентов определения. Можно отметить более десяти основных синтактико-морфологических форм атрибутивного компонента: причастный оборот, адъективное слово или оборот, субстантивное слово (как правило, несогласованное), *род. падеж без предлога*, падежи с *при*, *для*, *без*, *с*, *о*, *согласно*; обороты с *то есть*, *или*; придаточные конструкции с *который* (но не с *какой*, *чей*, *что*, *где*, *если*, *когда*, *поскольку*, *так как*), с некоторыми сложными союзными сочетаниями — *в том*, *что*; *на то*, *что* <sup>4</sup>.

Традиционными и наиболее стабильными формами определяющего компонента являются прежде всего причастный оборот и придаточное с *которой* (свидетельство тому — словарные дефиниции и тексты классических исследований Л. В. Щербы, В. В. Виноградова). Данные конструкции могут характеризоваться как основные и в настоящий период, т. к. употребительность их наиболее высока.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что традиционными формами атрибутивного компонента выступают конструкции, наиболее типичные в кругу форм с синтаксической функцией определения. Характеризуемая определяющая часть дефиниции нередко может быть многокомпонентной на морфолого-синтаксическом уровне, обнаруживая самую разнообразную сочетаемость форм: ср.: «*Период* — это относительно законченное в смысловом отношении развернутое сложное или простое, осложненное оборотами предложение, четко распадающееся на две противопоставленные части, первая из которых, как правило, состоит из ряда однородных единиц..., а вторая, произносимая пониженным тоном, заключает первую в смысловом, грамматическом, интонационном отношении...» [3, с. 224].

В тексте с более традиционным способом и стилем изложения — наибольшее число и наибольшее разнообразие формулировок с многокомпонентным определяющим членом. В тексте с более современным стилем многокомпонентных определяющих членов в дефинициях почти нет. При этом морфологическая форма определяющего члена более разнообразна, формулировки в целом отличаются большей легкостью, раскованностью.

Итак, очевидно, что семантические компоненты определения имеют разную морфологическую активность. Связка, толкуемое понятие и опорное слово способны реализоваться лишь в одной морфологической форме — соответственно финитной глагольной и падежной. Термин и атрибутивный член характеризуются, можно сказать, неограниченной морфологической продуктивностью. Многообразие форм атрибутивного компонента в аспекте структурных схем определения несущественно, т. к. практически каждая форма возможна в формулировке любого типа. Значительной в плане выявления структурных схем оказывается мор-

<sup>4</sup> Поскольку речь идет о формулировках, не образующих цельную предикативную структуру, а представляющих собой часть некоего предложения, понятие «структурная схема» приложимо к данным оборотам условно в сравнении с типичным их употреблением.

фологическая форма термина, которая в данном случае и служит опорной при составлении грамматических структурных схем, группируемых в рамках семантических моделей определения.

Из различных грамматических схем научного определения наиболее частотны в целом схемы с им. и твор. падежом термина, независимо от представляемой ими семантической модели. Данные конструкции сохраняют основу традиционного определения и в сочетании с неклассической формой атрибутивного компонента. Из числа прочих высокопродуктивны схемы с дат. (с *к*) и твор. (с *под*) падежами.

Итак, анализ системы научного определения в учебных текстах языковедческой литературы дает основание утверждать, что помимо традиционного развернутого определения в подобных текстах широко употребительны «облегченные», сжатые формулировки, а также определение-описание разных видов и списочное определение. Грамматические структурные схемы определения многообразны, причем наибольшая синтактикоморфологическая продуктивность характерна для атрибутивного компонента дефиниции, который может быть и многокомпонентным.

Изменения в системе текстовых определений (семантические модели, способы определения понятия, грамматические схемы дефиниций, условия функционирования различных определений) сводятся в целом к существенно возросшей частотности многих явлений, известных в принципе и традиционному языкознанию, частотности, следствием которой и является многообразие проявлений определения в современной учебной литературе. Эти изменения в кругу текстовых научных определений обуславливаются общими тенденциями развития научного функционального стиля — языковой компрессии, ярко выраженной дедуктивности в построении текста и всестороннего многообразия языковых средств (синтаксических, морфологических, лексических).

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1979.
2. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
3. Современный русский язык. Под ред. Розенталя Д. Э. Ч. 2. Синтаксис. М., 1979.
4. Ратцева И. И., Строганов В. А. Семантика текста и алгоритмизация. — В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, 1976, вып. 103, с. 119.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
7. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981, с. 329—338.
8. Митрофтьева О. Д. Язык научно-технической литературы. М., 1976.